

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.16'42'37'367.625

Сериков Григорий Владимирович

кандидат филологических наук,
доцент, докторант Института
языкознания им. Якуба Коласа
Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы НАН
Беларуси

Ryhor Serykau

Candidate of Philological Sciences,
Docent, Doctoral Student at
The Institute of Linguistics
named after Yakub Kolas
The Center for Research
of Belarusian Culture,
Language and Literature
of the National Academy
of Sciences of Belarus

**ВОЗВРАТНЫЕ ДЕРИВАТЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И ИСТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****RETURN DERIVATIVES IN SLAVIC LANGUAGES:
FUNCTIONAL, SEMANTIC, HISTORICAL and GRAMMATICAL ASPECTS**

В статье прослеживается путь теоретического осмысления значений возвратных дериватов от времен Ф. Ф. Фортунатова и Е. Ф. Карского до позиций лингвистов нашего времени, ставится вопрос о причинах относительной свободы возвратной морфемы *się, sã, se, sa, ce* в западно- и южнославянских языках, выявляются исторические предпосылки ее трактовки как возвратной клитики, употреблявшейся в эпоху древних славянских памятников письменности в виде энклитической формы возвратного местоимения *себя* и входящей в разнообразные просодические единства. Проведен сравнительный анализ идентичных фрагментов церковнославянских текстов XVII и начала XXI веков с целью выявления организующей роли ударения в праязыке славян, способствовавшего сохранению агглютинированных просодических единств, сохраненных в пользу отождествления данных образований с современными возвратными глаголами.

На примере анализа идентичных фрагментов из Евангелий на разных славянских языках раскрывается историческая связь между возвратными глагольными конструкциями, формами страдательного залога и императива.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *возвратный глагол; морфема; корреспондентный; дельмитер; димитировать; конфрактированный; модификационный ряд; клитика; энклитика; просодическое единство; возвратная модель.*

The article traces the history of theoretical understanding of the meanings of reflective derivatives from the works of F. F. Fortunatov and E. F. Karski to the positions of linguists of our time; it raises the question about the reasons for the relative freedom of

the reflexive morphemes 'się', 'sã', 'se', 'sa', 'ce' in the West and South Slavic languages; reveals the historical prerequisites of the interpretation of these morphemes as reflexive clitics, used in the times of ancient Slavic writing in the form of an enclitic form of the reflexive pronoun 'self' and included in various prosodic unities. A comparative analysis of identical fragments of Old Church Slavonic texts of the 17th and early 20th centuries is carried out in order to reveal the organising role of an accent in the ancient Slavic language, which contributed to the preservation of agglutinated prosodic unities, preserved in favour of identifying these formations with modern reflexive verbs.

Analysis of identical fragments from the Gospels of editions in Church Slavonic and in different Slavonic languages, reveals the historical connection between reflexive verb constructions, the forms of the passive voice and the imperative.

Key words: *reflexive verb; morpheme; correspondent; delimiter; dimitation; confracted; modification number; clitics; enclitics; prosodic unity; reflexive model.*

Описывая возвратность глаголов как выражение действия, направленного на субъект, и признак, характерный для многих глаголов, причастий и деепричастий, нельзя не затронуть особенности отражения на письме данной древней залоговой формы в церковнославянском и современных славянских языках, поскольку в восточнославянских языках показатель возвратности – постфикс *-ся* – подвергся агглютинации с опорным глаголом, в западнославянских же и южнославянских продолжает употребляться как самостоятельная клитика, выступая то в препозиции, то в постпозиции по отношению к корреспондентному (т. е. «своему») глаголу.

В 1911 г. основоположник белорусской филологии Е. Ф. Карский (1861–1931) в своем фундаментальном труде «Белорусы» обратил внимание на строение и значения возвратных глаголов, начиная от соответствующих фактов, зафиксированных в письменных памятниках, до современных ему белорусских говоров (первая декада XX в.), раскрывая особенности их (возвратных глаголов) функционирования в устной и письменной речи белорусов в разделе «Выражение залогов» [1, с. 376]. Исследователь утверждал, что «...славянские глаголы не имеют особых суффиксов для страдательного залога. Они уже в древнейших памятниках страдательным оборотам предпочитают действительные» [Там же]. Далее Е. Ф. Карский добавлял: «Страдательный залог в живой речи может быть выражаем формами возвратного залога с *-ся*: *изнаидеть ли съ <...> полтескъ град далсз емоу*» [Там же, с. 377], а также: «В современных славянских языках и особенно в русском в роли показателя залога является в настоящее время, да уже и в старину, винительный падеж возвратного местоимения *sz*. Главная его роль в соединении с глаголами переходными показывать, что действие возвращается на самого действующего, на подлежащее. В прежнее время относящиеся сюда глаголы и чувствовались как переходные, а *sz* было к ним прямым дополнением, а затем местоимение

все более и более теряло свое реальное и даже чисто формальное значение, обращаясь постепенно в глагольный суффикс, который в известных случаях может получать даже более краткий вид (-сь)» [1, с. 378]. Используя для иллюстрации особенностей оформления старинных возвратных глаголов материал старобелорусских текстов (напр., Западнорусских летописей по Виленскому и Уваровскому спискам (XV – XVI в.), Судебников XV в., Четьев 1489 г., Псалтирей XVI–XVII в.в., печатных изданий Ф. Скорины, Статутов ВКЛ и мн. др.), филолог-славист подмечал, что возвратная клитика *sz* в названных текстах, судя по ее месту в предложениях, не воспринималась в старину как морфема, как суффикс возвратного глагола *-ся*, поскольку она могла предшествовать глаголу, к которому относилась, и даже отделяться от этого глагола другими словами (называемыми нами в ряде предшествующих публикаций делимитерами [2; 3; 4] и др.): «*sz повоздвигнут рати.., нежели sz словами пишут.., се звело*» и др. [1, с. 377]. Также Е. Ф. Карский утверждал, что «такую постановку *ся* в древнейших памятниках следует приписать влиянию церковнославянского языка, а в более поздних – польского», приводя в качестве примеров соответствующие факты, зафиксированные его современниками, этнографами и фольклористами П. А. Бессоновым (1828–1898), Е. Р. Романовым (1855–1922) и др.: «*Богу ся молитя; соснився мне сон дивный, – и ни ся ён мне соснився, ни ся у казцы сказався*» [Там же, с. 378]. Ссылаясь на выводы Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914) в его статье «О залогах русского языка» и полностью соглашаясь с русским лингвистом, Е. Ф. Карский выделил в белорусском языке 4 группы возвратных глаголов: 1) с прямым возвратным действием (*мыцца, купацца, адзевацца*); 2) со значением изменения в состоянии субъекта (*не хоте^нsz, sz боронити, назбиралася их богато*); 3) со взаимным возвратным действием (*бю^мsz, справоватисz, воеватисz, мы любимsz*); 4) с выражением страдательности или с указанием на многого деятеля-субъекта (*конець сталsz, перебродитисz, поспеетsz, надеясz*) [Там же, с. 378–379]. Причин же дальнейшей агглютинации *-ся* с глаголами в истории восточнославянских языков (в отличие от языков западной и южной групп) и превращения данной древней местоименной энклитической формы в морфему Е. Ф. Карский не указывает, ограничиваясь следующим резюме: «Таким образом, из соединения глаголов с *ся* получили глаголы возвратные. Им могут быть противопоставлены все остальные глаголы, как невозвратные. Этими двумя группами и исчерпываются все залоги восточнославянских языков в их современном состоянии» [Там же, с. 378]. Этот факт, возможно, объясняется отчасти тем, что клитики (< греч. *klínō* ‘прислоняться, опираться’), по выражению В. А. Плуменяна, вообще воспринимаются как «класс «неполноценных» слов

в морфологии» [5, с. 28]. Но поскольку любое явление объективной реальности, проявленное в материальном мире, имеет свои первопричины и свои механизмы направленного развития, то логично предположить о существовании предпосылок закрепления энклитической формы местоимения *cz* (< себе (*себѠ*)) в качестве самостоятельной клитики в западно- и южнославянских языках, в отличие от языков восточнославянской группы.

Во всех славянских языках возвратным дериватам присущ, тем не менее, схожий набор семантических функций. Так, например, академическая «Русская грамматика» 1982 г. среди возвратных глаголов действительного залога выделяет 7 смысловых групп: 1) собственно-возвратные глаголы (*умываться, бриться, обуваться*); 2) глаголы взаимно-возвратного значения (*обниматься, целоваться, встречаться*); 3) глаголы косвенно-возвратного значения (*строиться, запасаться, устраиваться*); 4) глаголы активно-безобъектного значения (*крапива жжется, корова бодается, собака кусается*); 5) глаголы характеризующе-качественного значения (*нитки плохие, рвутся; машина хорошо заводится; кофе плохо растворяется*); 6) глаголы общевозвратного значения (*сердиться, тревожиться, удивляться*); 7) побочно-возвратные глаголы (*держаться за перила, цепляться за руку, ушибиться об угол*) [6, с. 617–618]. Согласно выводам современных славистов, возвратная морфема в славянских языках передает интранзитивность (непереходность), рефлексивность (обращение к себе), имперсональность (безличность), реципрокальность (взаимность) [7; 8].

Между тем, какие бы значения в белорусском, русском и украинском языках ни имели возвратные глаголы, все они уже никак не димитируют (отпустить < лат. *dimittas*) возвратную морфему *-ся (-ца), -сь* от глагола, которая уже навсегда лишена своей относительной свободы и является полностью неподвижной в языках восточнославянской группы. Феномен же возвратности в остальных славянских языках заключается в *подвижности* возвратной морфемы-клитики, что является поводом постановки вопроса о причинах такой свободы *się, sã, se, sa, ce* в остальных славянских языках, которая сохраняется со времен первых письменных памятников старославянского языка (IX в.) и, несомненно, уходит своими корнями в эпоху праславянского языкового единства, конец которого приходится на VI–VII в.в.

Соглашаясь с определением клитики как «акцентно несамостоятельной единицы» (по В. А. Плунгяну), не совпадающей ни с морфемой, ни со словоформой, но образующей «некое просодическое единство... с другой (просодически полноценной) словоформой языка (...опорной, или носителем клитики)» [5, с. 28], отметим, что в нашем случае к клитикам, кроме предлогов и частиц, рассматриваемых В. А. Плунгяном, мы относим также старославянскую возвратную морфему *s#*, польскую *się*, кашубскую *sã*,

чешскую **se**, словацкую **sa**, словенскую и хорватскую **se**, сербскую и македонскую **ce** местоименного происхождения, которая ведет себя в западно- и южнославянских языках как обыкновенная клитика, располагаясь то ли справа (как энклитика), то ли слева (как проклитика) от своего носителя.

Наблюдая за относительно свободным, а иногда и устоявшимся в языковой практике (например, поляков) местом возвратной клитики в устном или письменном высказывании, следует отметить, что ее носителем может быть отнюдь не корреспондентный глагол, а любое соседствующее акцентно самостоятельное опорное слово, например: «... *ja się po prostu na Polsce nie znam*» [9, s. 101] ‘я попросту не разбираюсь в Польше’. Здесь возвратный глагол (*nie*) **znam się** ‘(не) разбираюсь’ являет собой конфрактированную (разорванную) словоформу, где возвратная клитика находится в дистактной препозиции, отделяясь от глагола пятью делимитерами. Данное явление описывается моделью **się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + V** (где V – глагол < лат. *verbum*, а n¹... nⁿ – делимитеры, т. е. слова, разделяющие клитику от глагола). Таким образом, в синтагме *ja się po prostu na Polsce nie znam* в силу просодических особенностей польского языка (ударение на предпоследнем слоге) клитика **się** объединяется в одно фонетическое слово с предшествующим местоимением *ja* ‘я’, выступая в роли энклитики и образуя вместе с местоимением просодическое единство. Для этой энклитики местоимение *ja* является опорным, ударным словом. Данная синтагма состоит из последовательности 10-ти ударных (долгих) и безударных (коротких) слогов, образующих 4 фонетических слова, где и клитика **się**, и «ее» глагол находятся в слабой позиции, в позиции энклитики: [*ja*́ **się**] [*po* próstu] [*na* Pol'sce] [*nie*́ **znam**], или: [́ **się**] [́ ́] [́ ́] [́ **znam**]. Чистый же просодический рисунок таков: [́ ́] [́ ́] [́ ́] [́ ́]. Проклититками, как видим, здесь являются предлоги *po* и *na*, энклитиками – *się* и *znam*, причем, форма наст. вр. ед ч. 1-го л. глагола *znam* ‘знаю’, как и другие односложные аналогичные формы типа *wiem* ‘знаю’, *chcę* ‘хочу’, *mam* ‘имею’ и др. в сочетании с отрицательной частицей *nie* (как и предлоги *do*, *od* и др. в сочетании с местоимениями: *do nas* ‘к нам’, *do mnie* ‘ко мне’, *od nich* ‘от них’) исторически утратили ударение и превратились в энклиномены (по В. А. Плунгяну) в силу своей односложности и фиксированного ударения на предпоследнем слоге.

О функциональной «незначительности» возвратной клитики, о ее акцентной несамостоятельности свидетельствуют старинные издания Евангелий (атрибутировать которые зачастую не удастся в силу их обветшалости и отсутствия полных выходных данных), написанные церковнославянским языком, в их сравнении с современными переизданиями на том же языке. Сравним два фрагмента (рис. 1) из Евангелия от Матфея:

В Напрестольном Евангелии 1678 г.: БО НА АНЦЕ ЧЕЛОВѢКЪМЪ · РЦЫ ОУБѢ НАМЪ, <u>ЧТОЖЕА МНИТЪ</u> ; (Мф. 22:17) [10]	В современном Святом Евангелии 2024 г.: РЦЫ ОУБѢ НАМЪ, <u>ЧТО ТИ СА МНИТЪ</u> ; (Мф. 22:17) [11]
‘итак, скажи нам, как Тебе кажется’	
<u>ЧТОЖЕА ВАМЪ МНИТЪ</u> ;	<u>ЧТО ЖЕ СА ВАМЪ МНИТЪ</u> ;
(Мф. 21:28) [10]	(Мф. 21:28) [11]
‘что же вам кажется’	

Рис. 1. Варианты просодического единства с клитикой с#

Здесь мы видим, что в издании 346-летней давности возвратная клитика объединяется под общим ударением с местоимением *что*, к которому также предварительно присоединяется энклитическая форма местоимения *тебе* (< ст.-ц.-слав. тобы (тебы, ти)), или частица *же*, что явно свидетельствует об относительной самостоятельности возвратной морфемы по отношению к корреспондентному глаголу *мнить* и ее историческом месте в устной речи. В первом эпизоде (что7тис# мни7ть) перед нами лишь два фонетических слова со своими ударными слогами. В современном же издании Евангелия, как видим, рука просвещенного издателя заботливо рассредоточила «сросшиеся» лексемы, оставив клитику с# безударной, отчего возникает вопрос сегментации: то ли она объединяется с предыдущим местоимением ти7, то ли с последующим глаголом мни7ть. В любом случае перед нами – модель контактной препозиции с# + V с отдельным написанием с# от глагола, что являлось в печатных изданиях XVII в. уже редкостью. Более того, во втором эпизоде (что7жес# ва7мъ мни7ть) имеем местоименной делимитер ва7мъ, прямо указывающий на обособленность возвратной морфемы от глагола. В современной же церковнославянской интерпретации видим уже аналогичную картину сегментации трех просодических единств на пять, причем клитика приобретает уже самостоятельное ударение: что7 же с#7 ва7мъ мни7ть. Здесь мы имеем модель дистантной препозиции с# + n¹ + V, свидетельствующую о просодической спаянности возвратной клитики отнюдь не с глаголом, что свидетельствует об огромной организующей роли ударения и интонации в старославянском (→ церковнославянском) языке.

Однако нетронутыми до сего дня в современных редакциях церковнославянских текстов [11] остаются просодические единства, состоящие из глагола, причинного союза *бо* (< *ибо*) и возвратной морфемы, то ли из гла-

гола, энклитических форм личных местоимений *ми* (< мъны) и *ти* (< тобы, тебы) и возвратной морфемы (рис. 2). В этом случае возвратная модель являет собой агглютинированное просодическое единство в виде **Vn¹c#**, сохраненное в пользу отождествления данных образований с современными возвратными глаголами.

рѡждшеееѡсѡ въ ней, ѿ дѣа ѣсть стѡ: 'ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго' (Мф. 1:20) – модель Vбос#
дѡствосѡ вамъ 'ибо дано будет вам' (Мф. 10:19) – модель Vбос#
ѣ. и глагола: покѡйтесѡ, приближивосѡ црѣтвѣ нѣное. 'и говорить: ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 4:17) – модель Vбос#
падъ поклонѡшисѡ 'пав, поклонись мне' (Мф. 4:9) – модель Vмис#
исповѣдаютисѡ, ѡче 'славлю Тебя, Отче' (Мф. 11:25) – модель Vтис#

Рис. 2. Сохраненные просодические единства с с#

Теперь обратим внимание (рис. 3) на место возвратной морфемы в соответствующих эпизодах со значением 'ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 3:2 и Мф. 4:17) в Напрестольном Евангелии 1678 г. [10]:

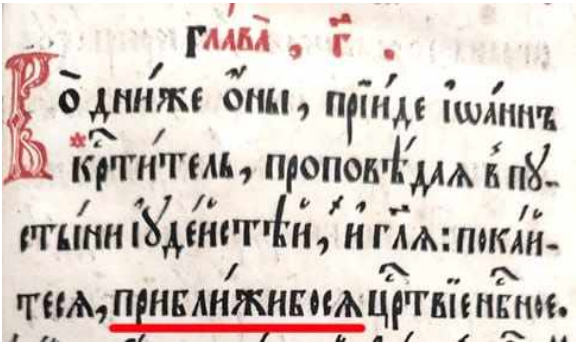
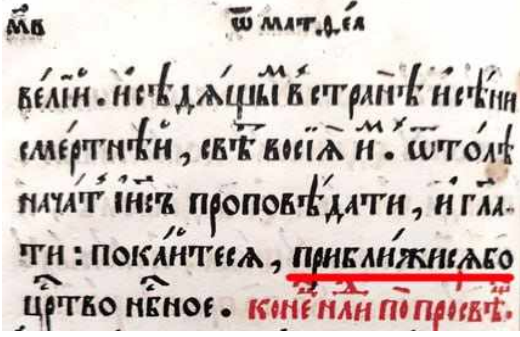
от Матфея 3:2 [11]: приближисѡ бо црѣтво 'ибо приблизилось Царство [Небесное]' (Мф. 3:2) – модель Vс# ++ бо	от Матфея 4:17 'ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 3:2) – модель Vс# бо
---	---

Рис. 3. Подвижность возвратной морфемы с#

Как видим, во-первых, в последнем эпизоде в современном церковнославянском варианте имеем вариант приближис# бо црСтво, а в Напрестольном Евангелии 1678 г. – приближивос# црСтввЗе, хотя это один и тот же 2-й стих 3-й главы Евангелия от Матфея. Во-вторых, в соседних

главах (3-й и 4-й) старинного издания (Рис. 3) также в этом смысле нет однообразия. Авторы-издатели могли в некотором смысле вольно обходиться с возвратной морфемой с#, но долженствование возвратности глагола обязательно учитывали и подчиняли доминирующему ударению глагола и безударный союз *бо*, и возвратную клитику-морфему с#. В-третьих, величина пробелов между буквами и словами (к тому времени уже печатными), несомненно, свидетельствует о слитном написании как возвратной глагольной формы *приближибос#*, так и *приближис#бо*, что явно указывает на характер произношения такого рода сочетаний, и о роли клитик в то время.

Итак, опираясь на все сказанное выше, обратим внимание, во-первых, на роль возвратной клитики в истории формирования залоговых отношений в некоторых западно- и южнославянских языках и, во-вторых, на ее место в интонационном рисунке соответствующих предложений. Наиболее подходящим источником исследования идентичных текстов в компаративном ракурсе, как видим, являются тексты Библии как наиболее популярной книги в мире. Вызывают особый интерес некоторые фрагменты новозаветных текстов, содержащие возвратные глаголы в русском синодальном переводе, в современном белорусском, в украинском, чешском, словацком, болгарском, македонском, словенском и сербском [12]. Так, например, во фрагменте из Евангелия от Марка, 7:35, наблюдаем фонетические варианты возвратной морфемы:

«И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто» [13].

«І адразу адкрыліся вушы яго і разв'язалися путы яго языка, і пачаў гаварыць выразна» [14].

«І зараз же відкрились його вуха, і розв'язалися зав'язі його языка, і почав він виразно говорити» [15].

Выступающие здесь возвратные глаголы представляют собой результат агглютинации древней энклитической формы возвратного местоимения *sz* (< **себѣ**) с глаголом и превращения ее в постфикс, и судить о первоначальной картине этого явления сегодня нет источниковедческих оснований, как мы убедились выше, даже и по церковнославянскому соответствию данного фрагмента:

И: а8бб3е разверзо7стасz слу:ха эбгв5% иб разрѰши7sz оу8за збзы7ка эбгв5% иб глаго7лаше пра7вв [16]. Как сказал Н. П. Некрасов (1828–1914), «Вообще наш язык смело приставляет *ся* к глаголу, как скоро мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении этого проявления действия к своему предмету» [17, с. 24].

Иная картина представлена в западно- и южнославянских языках. Здесь мы отмечаем разнообразный модификационный ряд возвратных клитик. В польском варианте данный фрагмент звучит так: «*Zaraz otworzyły się jego uszy, więzy języka się rozwiązały i mógł prawidłowo mówić*» [18]. Наблюдаем две наиболее распространенные в польском языке возвратные модели: контактной постпозиции **V + się** (*otworzyły się*) и контактной препозиции **się + V** (*się rozwiązały*).

В болгарском переводе – две модели **се + V**: «*И веднага се отвори слухът му, и се развързаха връзките на езика му, и заговори чисто*» [19];

В сербском синодальном переводе – одна модель **се + V**, вторая – **V + се**: «*И одмах му се отвори слух, и раздријешу се свеза језика његова, и говораше правилно*» [20];

В македонском переводе – две модели **се + V**: «*И веднаш му се отворија ушите и му се разврза врската на неговиот јазик, и зборуваше чисто*» [21];

В словенском переводе – одна модель **V + sa**, вторая – **sa + n¹ + n² + V**: «*I otvorili sa mu uši, jazyk sa mu hned' rozviazal a hovoril správnne*» [22].

В словацком же и чешском переводах этого фрагмента вообще отсутствуют возвратные глаголы, при этом смысл (по прихоти переводчика) полноценно передается страдательными формами соответствующих причастий. В словацком переводе это звучит так: «*A hneď boli otvorené jeho uši, a rozviazané bolo puto jeho jazyka, a hovoril správnne*» [23], т. е. 'были отворены его уши' и 'развязаны были узы его языка'. В чешском переводе: «*A hneď otevřiny jsou uši jeho, a rozvázáán jest svazek jazyka jeho, i mluvil právě*» [24] 'отворены уши его' и 'развязаны узы языка его'.

Последние два варианта переводов свидетельствуют об исторической связи возвратности глаголов со страдательным глагольным залогом (см. выше замечание Е. Ф. Карского). Впрочем никаких препятствий в переводе белорусского, русского или польского варианта данного фрагмента при помощи страдательных причастий также не возникло бы. Сравним:

І адразу адкрыліся вушы яго і развязаіся пумы яго языка, і пачаў гаварыць выразна → *І адразу былі адкрыты вушы яго і развязаны пумы яго языка, і пачаў гаварыць выразна*;

И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто → *И тотчас был отверзт у него слух и разрешены узы его языка, и стал говорить чисто*;

Zaraz otworzyły się jego uszy, więzy języka się rozwiązały i mógł prawidłowo mówić → *Zaraz zostały otworzone jego uszy, więzy języka rozwiązane i mógł prawidłowo mówić*.

Несмотря на «семантическую незначительность» возвратной морфемы, ее никоим образом ни в каком славянском языке нельзя употреблять излишне и не во всех славянских языках семантически тождественные глаголы приобретают возвратность в идентичных контекстах. Например, глаголы, выражающие понятия ‘возвращаться’, ‘садиться’, ‘дотрагиваться’ и др. не требуют наличия в своей структуре формально выраженной возвратной морфемы. Сравним: бел. *вяртаемся дадому*, рус. *возвращаемся домой*, укр. *повертаємось додому*, словац. *vraciate sa domov*, чеш. *vracíte se domů*, болг. *прибираме се у дома*, словен. *vračato se domov*, макед. *се враќаме дома*, а в польском языке в самом глаголе *wracać* ‘возвращаться’ уже содержится понятие обратности, исключаящее наличие возвратной морфемы *się*: *wracamy do domu*.

Рассмотрим еще один контекст, содержащий в русском синодальном переводе три возвратных глагола (Евангелие от Марка 1:41): «*Иисус, умилосердившись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишь*» [13].

В церковнославянском переводе возвратному деепричастию *умилосердившись* соответствует деепричастие *милосердовав* (‘милосердуя’): *l:è,ñú же млСрдовавъ% просте7рь ру5ку% косну7cz E:гw5% и: гл,a E:му5№ хоти5% wбчи7стисz* [16];

В белорусском переводе: «*lісус жа, злітаваўшыся над ім, працягнуў руку, дакрануўся да яго і кажа яму: хачу, ачыіціся*» [14];

В украинском: «*l, змилосердившись, Ісус простягнув свою руку, доторкнувсь його і сказав до нього: “Хочу, будь чистий!”*» [15];

В польском: «*Zdjęty litością, wyciągnął rękę, dotknął go i rzekł do niego: Chcę, bądź oczyszczony!*» [18];

В словацком: «*A Ježiš, lútosťou hnutý, vystrel ruku, dotkol sa ho a povedal mu: Chcem, buď čistý!*» [23];

В чешском: «*Ježíš pak slitovav se, vztáhl ruku, dotekl se ho a řekl jemu: Chci, buď čist*» [24];

В болгарском: «*А Иисус, като се смилн, протегна ръка, докосна се до него и му рече: искам, очисти се!*» [19];

В сербском синодальном: «*А Исус смилуовавши се пружи руку, па дохвативши га се рече му: Хоћу, очисти се*» [20];

В македонском: «И му **се** смилу, ја протегна раката и го допре и му рече: „Сакам! Биди чист!“» [21];

В словенском переводе: «I *z*lutoval **sa** nad ním, vystrel ruku, dotkol **sa** ho a povedal mu: *Chcem, bud' čistý!*» [22].

Трем возвратным словоформам, отраженным в русском переводе (умилосердивши**сь**, коснул**ся**, очисти**сь**) соответствуют три возвратные в белорусском (злітаваўшы**ся**, дакрануў**ся**, ачысці**ся**), три – в сербском (смиловавши **се**, дохвативши га **се**, очисти **се**), две возвратные в украинском (змилосердивши**сь**, доторкнув**сь**), две в чешском (*slitovav se, dotekl se*), две – в болгарском (**се** смилу, докосна **се**), две – в словенском (*z*lutoval **sa**, dotkol **sa**), одна – в словацком (*dotkol sa*), одна – в македонском (**се** смилу) и ни одной в польском.

В качестве соответствий к словоформе *умилосердивши**сь*** в польском и словацком переводах наблюдаем страдательные конструкции *z*djęty *litością* и *lútosťou hnutý* в значении ‘движимый жалостью’.

В польском и македонском переводе возвратному глаголу *коснул**ся*** (дотронул**ся**) в сочетании с местоимением *его* соответствуют семантически тождественные невозвратные глаголы: *dotknął go* (поль.) ‘дотронул его’ и *го допре* (макед.) ‘его дотронул’. В восточнославянских языках исторически устоялась исключительно возвратная словоформа: *доторнул**ся***, *дакрануў**ся***, *доторкнув**сь***. В сербском же варианте наблюдаем конструкцию с конфрагментированным возвратным деепричастием ‘дотронувшись его’ с местоименным делимитером *га* ‘его’: *дохвативши га **се***, описываемую моделью **RG + n¹ + се** (< лат. *reflexivum gerundium* ‘возвратное деепричастие’).

В украинском, польском, словацком, чешском, македонском, словенском переводе собственно-возвратному глаголу *очисти**сь*** соответствуют семантически тождественные императивные конструкции ‘будь чист’: *будь чистий*, *bądź oczyszczony*, *bud' čistý*, *bud' čist*, *биди чист*, *bud' čistý* соответственно.

Итак, вхождению возвратной морфемы *с#* в просодическое единство в старославянский период способствовала ее односложность, обуславливавшая отсутствие собственного ударения, причем оторванность от корреспондентного глагола была обычным явлением, что позволяет допускать важность организующей роли ударения и интонации в старославянском (→ церковнославянском) языке. Гармоничный просодический рисунок, вызванный ритмическим чередованием коротких и долгих слогов, в котором огромную роль играли односложные клитики (союз *бо*, частица *же*,

энклитические формы личных местоимений **ми, ти**), способствовал закреплению энклитической формы возвратного местоимения **с#**, а позже **sa, se, ce, sã, się** в различных пре- и постпозициях в современных славянских языках и постепенному превращению ее в возвратную морфему.

Агглютинированное просодическое единство в виде **Vn¹с#**, а именно: **Vбос#, Vмис#, Vтис#** сохранено в церковнославянских изданиях последнего времени в пользу отождествления данных образований с современными возвратными глаголами.

Устойчивым носителем возвратной клитики-морфемы в церковнославянских текстах является глагол, реже – иные просодические единства типа **что7тис#** (мни7ть), что свидетельствует об огромной организующей роли ударения в праязыке наших предков, имевшем политоническую (музыкальную) просодию.

Наблюдая факты потенциальной взаимозаменяемости возвратных глаголов со страдательными конструкциями и с формами повелительного наклонения в современных западно- и южнославянских языках, можем говорить о генетической связи таких языковых категорий, как возвратность, страдательность (пассивность) и императивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карский, Е. Ф.* Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский ; коммент. В. Н. Курцовой. – Минск : БелЭн, 2006. – Т. 2, кн. 2: Язык белорусского народа. – 512 с. : ил. – (Помнікі гістарычнай думкі Беларусі).
2. *Сериков, Г. В.* Возвратные модели в польском переводе Б. Шварцман-Чарноты / Г. В. Сериков // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2022. – № 2 (60). – С. 143–149.
3. *Сериков, Г. В.* Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского / Г. В. Сериков // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманит. науки: история, филология, философия. – 2022. – № 4 (133). – С. 131–137.
4. *Сериков, Г. В.* Энклитика *sz* в структуре возвратных глаголов Лаврентьевской летописи / Г. В. Сериков // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманит. науки: история, филология, философия. – 2023. – № 1 (136). – С. 91–99.
5. *Плунгян, В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – 4-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 384 с. – (Новый лингвистический учебник).

6. Русская грамматика / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.), Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко [и др.]. – М. : Наука, 1982. – Т. I : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова [и др.]. – 783 с.
7. *Норман, Б. Ю.* Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования / Б. Ю. Норман // Wikireading. – URL: <https://tech.wikireading.ru/aEgGreMvHm> (дата обращения: 06.01.2025).
8. *Kępińska, A.* Profesor Salomea Szlifersztejnowa jako historyk języka polskiego / A. Kępińska // *My z nich. Spuścizna językoznawców Uniwersytetu Warszawskiego* / red. nauk. : Zofia Zaron, Zbigniew Greń. – Warszawa, 2017. – S. 199–211.
9. *Strączek, K.* Ryszard Kapuściński autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.
10. Евангелие на престольное. – М., 1678.
11. Святое Евангелие : религиозное издание – М. : ИП Карпов С. В., 2024. – 448 с.
12. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 06.01.2025).
13. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?r> (дата обращения: 06.01.2025).
14. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&v> (дата обращения: 06.01.2025).
15. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&ua> (дата обращения: 06.01.2025).
16. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.1&utfcs> (дата обращения: 06.01.2025).
17. *Некрасов, Н. П.* О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов // Соч. Н. Некрасова. – С.-Петербург. : Тип. и лит. И. Паульсона и К°, 1865. – С. 25.
18. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.1&pl> (дата обращения: 06.01.2025).
19. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&bg> (дата обращения: 06.01.2025).
20. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&z> (дата обращения: 06.01.2025).

21. Библия. Ветхий Завет Библии // Gospelgo. – URL: https://www.gospelgo.com/u/macedonian_bible.htm#Mark (дата обращения: 06.01.2025).
22. Biblija // SLB Bible. – URL: <https://www.bible.com/bible/644/MRK.7.SLB> (date of access: 06.01.2025).
23. Bible // Gospelgo. – URL: https://www.gospelgo.com/u/slovak_bible.htm#Mark (date of access: 06.01.2025).
24. Bible = Ветхий Завет Библии // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&cze> (дата обращения: 06.01.2025).

Поступила в редакцию 30.01.2025